

ПРОГУЛКИ ПО ПАРИЖУ с Борисом Носиком

ПРАВЫЙ
БЕРЕГ

Борис Носик

**Прогулки по Парижу с Борисом
Носиком. Книга 2: Правый берег**

«WebKniga»

2017

УДК 908(44)
ББК 26.89(4Фра-2Париж)

Носик Б.

Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. Книга 2: Правый берег / Б. Носик — «WebKniga», 2017

ISBN 978-5-75-161451-5

Этот удивительный путеводитель по великому древнему городу написал большой знаток Франции и Парижа Борис Михайлович Носик (1931—2015). Тонкий прозаик, летописец русской эмиграции во Франции, автор жизнеописаний А. Ахматовой, А. Модильяни, В. Набокова, переводчик английских и американских классиков, Борис Михайлович прожил в Париже не один десяток лет, полюбил этот город, его ни с чем не сравнимый дух, изучил его историю. Читатель увидит Париж д'Артаньяна и комиссара Мегрэ, Эрнеста Хемингуэя и Оноре де Бальзака, Жоржа Брассанса, Ференца Листа, великих художников и поэтов, город, ставший второй родиной для нескольких поколений русских эмигрантов, и вместе с Борисом Носиком проследит его историю со времен римских легионеров до наших дней.

УДК 908(44)
ББК 26.89(4Фра-2Париж)

ISBN 978-5-75-161451-5

© Носик Б., 2017
© WebKniga, 2017

Содержание

Информация от издательства	5
Присядем у берега перед дорогой...	6
Отель-де-Виль, то бишь мэрия, на бывшей Гревской площади, или Откуда все пошло и куда пришло	6
Башня Сен-Жак	9
По бывшему болоту	11
На север по болоту, по следам рыцарей-храмовников (квартал Маре)	11
По следам комиссара Мегрэ и его творца Сименона	15
Дворец Карнавале и его жиличка	22
Прогулка по следам Бальзака	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. Книга 2: Правый берег

Информация от издательства

Носик Б.

Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. Книга 2: Правый берег / Борис Носик. – Москва: Текст, 2017.

ISBN 978-5-7516-1451-5

Вторая книга удивительного путеводителя по великому древнему городу Бориса Михайловича Носика (1931–2015), большого знатока Франции, который прожил в Париже не один десяток лет, полюбил этот город, его ни с чем не сравнимый дух, изучил его историю. Начав свое путешествие с Гревской площади, читатель пройдет по следам комиссара Мэгре и его творца Сименона, у дворца Карнавале, по бальзаковским местам, мимо центра Помпиду, выйдет к Лувру, саду Тюильри, прогуляется по Елисейским полям, парку Монсо, по следам Дюма-сына, Ференца Листа. Далее – по бульварам, через улицу Лафит, по парижским местам Шопена. Блошинный рынок на восточной окраине, кладбище Пер-Лашез. Вокзалы – Лионский, Северный и Сен-Лазар. Бульвар Клиши, площадь Пигаль, Монмартр, заречный квартал д’Оттей и Булонский лес.

© Борис Носик, наследники, 2017

© «Текст», 2017

Присядем у берега перед дорогой...

Вот он, – думал я, – вот город, который в течение многих веков был образцом всей Европы, источником вкуса, мод, которого имя произносится с благоговением учеными и неучеными, философами и щеголями, художниками и невеждами в Европе и в Азии.

В Америке и в Африке... Вот он!.. Ах, друзья мои!.. Ни к какому городу не приближался я с такими живыми чувствами, с таким любопытством, с таким нетерпением!

Н. Карамзин

Отель-де-Виль, то бишь мэрия, на бывшей Гревской площади, или Откуда все пошло и куда пришло

С чего же нам начать прогулку по правому берегу Парижа?

Конечно же с площади Отель-де-Виль, площади парижской мэрии (мэрия и будет по-французски Hôtel de Ville, в буквальном переводе – Дворец города)! И вовсе не из почтения к городским властям и их главному учреждению мы решили начать отсюда. В конце концов, подумаешь, учреждение!.. Чиновники, они и есть чиновники, одни – энтузиасты и труженники, другие – лодыри и казнокрады: как везде, берут взятки (по-французски – *rol-de-vin*, то есть кувшин вина, а по-нашему – пол-литра), как везде, делают приписки, как везде, не обходятся без семейственности. Однако ведь и за порядком в городе следят, и дороги чинят, и электричество с водой подают, и библиотеки держат, да и все прочее в норме, разве что вот с собачьим дерьмом на тротуарах никак справиться не могут, несмотря на грозные указы и миллионные затраты, не поддаются воспитанию ни собаки, ни парижане...

А почему же все-таки с мэрии? Да потому, что место уж больно красивое. Великолепное, праздничное здание, площадь с фонтанами близ Сены и – воспоминания, воспоминания, воспоминания... Историческое место. Отсюда многое пошло – и городское самоуправление, и вообще французская демократия, и городские праздники, и бунты, и перевороты, и освободительные восстания, и забастовки (даже самое имя им дала эта самая площадь – *grève*), и жестокие (и пожалуй, что тщетные) усилия правосудия держать своих сограждан в строгой узде, и роскошные пиры (разумеется, за счет горожан-налогоплательщиков), и герб города Парижа... В общем, всего не перечислишь, но кое о чем надо вспомнить именно здесь, отдыхая на скамеечке под плеск фонтанов и глядя на украшенный статуями фасад мэрии.

Кстати, в этом уголке Парижа и почище нашего ценители прекрасного получали эстетическое удовольствие. Скажем, поэт Александр Блок сидел за столиком в кафе в конце улицы Риволи, любовался мэрией, писал письма матери и небось переносился мыслями в стародавние парижские времена. Мы тоже перенесемся.

До XII века был тут просто берег Сены, поросший камышом, – тишь, глушь, крупнозернистый песок и гравий («песчаный берег» по-французски будет «грев» – *grève*). В 1141 году торговцы водой (очень влиятельная в те времена купеческая корпорация) решили устроить на этом участке Сены новый порт, благо течение тут тихое, чтобы хоть немного разгрузить порт Сен-Лондри, что располагался на тесном острове Сите. Гревский порт очень скоро приобрел популярность – разгружали тут и зерно, и сено, и лес, и вино, – и стал он одним из главных портов столицы. Мало-помалу местные торговцы водой настолько укрепили свое экономическое положение, что перенесли собственную, весьма влиятельную выбор-

ную администрацию с левого берега (из монастыря Сент-Женевьев) на правый (эта часть берега вдобавок оказалась незатопляемой паводками), а их герб с корабликом стал со временем гербом всего Парижа. («Похож на наш, тоже кораблик», – отмечают приезжие петербуржцы.) В 1357 году купеческие советники (эшевены) во главе со своим знаменитым старостой (прево) Этьеном Марселем купили стоявший на этом месте дом с аркадами («Дом на сваях».) На протяжении многих столетий это средневековое готическое здание достраивалось, перестраивалось, украшалось (здесь были великолепные интерьеры, висели картины Энгра и Делакруа), и даже безжалостная французская революция пощадила эту колыбель купеческой демократии. Революция, но не Парижская коммуна... В 1871 году здание сгорело со многими своими сокровищами. Кое-какие уцелевшие шедевры (вроде статуи X века Карла Великого и барельефа Лемера) попали в музей Карнавале, в парки Трокадеро, Монсо, в сквер Поля Ланжевена (правда, в мае 1968 года участники студенческой заварухи снесли некоторым из многострадальных статуй головы, пытаюсь, вероятно, доказать, что у них не какая-нибудь там банальная молодежная потасовка, а «самая настоящая революция»)... Уже через три года после усмирения Коммуны здание было вновь отстроено, и ныне оно предстает во всем своем великолепии – со множеством скульптурных фигур на фасаде: кариарид и статуй – аллегорий тридцати городов Франции, а также с изображениями более сотни знаменитых парижан и парижанок. А уж внутри здания чего только нет – и картины, и статуи, и росписи Пюви де Шаванна, и зеркала, и позолота, и старинная мебель, и роскошь бесчисленных салонов... В одном из них – как не похвастать? – мэр города Парижа вручил моей доченьке за отличное окончание коллежа, то есть неполной средней школы, какую-то книжку с картинками (надеюсь, оплаченную из моих налоговых отчислений). Это, впрочем, было лишь одним из знаменательных событий, имевших место в стенах нового здания мэрии (нередко с участием вездесущих русских – куда от них деться в Париже?). В 1893 году здесь принимали русского адмирала Авеллана и офицеров его эскадры, был дан грандиозный обед в ознаменование русско-французской дружбы (репродукцию со старинной акварели, отразившей эту встречу, до сих пор можно видеть на станции метро «Отель-де-Виль» – не проходите мимо!). В мэрии принимали императора Николая II и императрицу Александру Федоровну, а еще позднее, с 1960 по 1989 год, по очереди кормили обедами Хрущева, Брежнева, Косыгина и Горбачева (последнего – дважды)...

В 1871 году революционер Петр Лавров участвовал в провозглашении Парижской коммуны (тут-то мэрию и сожгли). Именно в мэрии арестовали Робеспьера, а Ламартин столкнулся с бунтовщиками. Здесь чествовали Людовика XVIII, Наполеон отпраздновал свадьбу с Марией-Луизой. Здесь принимали английскую королеву Викторию... В 1944-м в штурме мэрии принимал участие юный русский герой Толя Болгов (вскоре погибший). Здесь размещался штаб Сопrotивления...

С 1310 до 1830 года (больше пяти столетий) эта (тогда еще Гревская) площадь служила местом казней. Виселицы стояли на ней постоянно, но преступников не обязательно вешали. Иным отрубали голову, иных четвертовали, иных (по подозрению в колдовстве) сжигали живьем. Здесь казнили, к примеру, грозу Парижа разбойника Картуша, убийцу короля Генриха IV Равайяка, известную отравительницу маркизу де Бренвильер. Казнь этой страшной женщины, отравившей отца и двух братьев (в целях увеличения своей доли наследства), была с ужасом и отвращением описана в письме блистательной писательницы маркизы де Севинье от 17 июля 1676 года. До революции здесь шумно отмечали многие праздники, в том числе день Иоанна Крестителя, и, бывало, сам король возжигал праздничный костер. Революция обогатила площадь новинкой революционного быта – гильотиной. Так что позднее, в 1812 году, на этой площади культурно отрубили голову одному из чинов французской военной администрации, который снимал копии с конфиденциальных военных отчетов, предназначенных для Наполеона, и продавал их в русское посольство – полковнику Черны-

шеву. Нравы тогда были дикие, и даже сообщника казненного чиновника выставили в кандалах у позорного столба. Надо сказать, что в наше время нравы заметно смягчились. Не так давно молодой французский инженер-атомщик Франсис Тампервиль передал двум разведчикам из советского посольства 100 сверхсекретных документов (в общей сложности около 6000 листов), но его не только не казнили, но даже и не слишком клеймили позором. Газеты очень трогательно писали, что он хотел открыть на вырученные деньги частную школу и, может, открыл бы, если б его не выдал советский злодей-перебежчик из КГБ. Тампервилю пришлось промаяться в тюремной камере весь период следствия, и газеты сообщали, что он плодотворно работал там над диссертацией и даже цветной телевизор не мог отвлечь его от работы. Вскоре по окончании следствия он был отпущен на волю и ныне, вероятно, уже пошел на повышение... Вот такой оптимистической историей я и хотел закончить рассказ у фонтана перед парижской мэрией, но вдруг вспомнил незначительный, а все же противный эпизод... Как-то я так же вот нежился на скамейке и думал, что надо бы заглянуть на почту, которая размещалась тогда в полуподвале этого здания – очень удобно для туристов, не успевших отослать открытки с сообщением, что они уже в прекрасном Париже. Браня себя за леность, я наконец оторвался от скамейки, и тут раздался взрыв в помещении почты. Уцелевшие от взрыва туристы и почтовые барышни рассказали потом, что они заметили арабскую девушку, которая бросила какой-то пакетик в мусорную урну на почте и поспешила прочь. Полицейские эксперты (которые, как всегда, никого не поймали) высказали предположение, что это была, скорей всего, «боевичка» из Ирана, Ирака или Палестины. Почту после этого закрыли напрочь, так что вы можете спокойно отдыхать у мэрии, набираясь сил для долгой прогулки по правому берегу. И если моя последняя история показалась вам поучительной, никуда не спешите.

Башня Сен-Жак

Прежде чем двинуться по правому берегу в глубь старинного квартала Марэ, отклонимся на сотню метров к западу по авеню, носящей имя английской королевы Виктории, чтобы осмотреть странное и весьма знаменитое сооружение в соседнем сквере. Замечено, что, переходя по мосту с острова Сите на правый берег Сены или глядя вниз от Сорбонны вдоль длинной улицы Сен-Жак, приезжие неизменно обращают внимание на эту странную башню и спрашивают:

– А там у вас что такое?

– Это башня Сен-Жак, – отвечает парижанин.

– Но почему вдруг башня? Там ведь ни крепостной стены, ни замка, ни церкви... А может, это просто памятник? Тогда чему памятник?

На такие вопросы в двух словах не ответишь. Потому что за этой башней целая история – Франции и Парижа. История былого благочестия, былых заблуждений, былых страстей. История французского искусства, науки и музыки, история варварства революционной толпы и история поэзии... Всему этому, вероятно, и памятник... Да еще какой памятник!

Вот она стоит посреди Парижа, эта позднеготическая башня начала XVI века, стоит одиноко и словно бы неуместно, потому что у самых дерзких варваров и самых неуважительных революционеров и преобразователей не поднимается на нее больше рука. Сама жестокая революция чудом ее пощадила. Даже дерзкие поэты-разрушители, сюрреалисты, на заданный им вопрос, разрушить ли эту башню, перенести ли ее или перестроить, отвечали (уже в варварском, красно-коричневом 1933 году) весьма неуверенно и весьма умеренно, я бы даже сказал, робко.

«Перенести на площадь Согласия на место Обелиска», – ответил поэт Морис Анри.

«Поставить ее в центре Парижа, а вокруг охрану», – сказал Бенжамен Пере.

«Склонить ее слегка», – предложил поэт Элюар, который и сам всегда готов был склониться – перед женщиной, перед партией, перед противником, а главное – перед силой.

«Разломать все дома вокруг нее», – сказал Жорж Ванстайн.

А вождь сюрреалистов Андре Бретон пошел дальше всех:

«Сохранить ее как есть, но разломать окружающий квартал и запретить приближаться к ней под страхом смерти на протяжении ста лет».

Вот так вполне почтительно высказались о башне Сен-Жак непочтительные сюрреалисты в своем журнале «Сюрреализм на службе революции».

А ведь она не всегда пребывала в таком странном одиночестве, эта башня. Она служила колокольной огромной, занимавшей чуть не весь нынешний сквер старинной парижской церкви Святого Иакова в Мясницкой, церкви Сен-Жак-де-ла-Бушери. Место это на скрещении главных дорог – с юга на север и с запада на восток да еще и на берегу Сены – испокон веку не пустовало. Стояла здесь еще в Средние века часовня Святой Анны, а в начале XVI века при короле Франциске I была построена почтенная церковь Сен-Жак в слободе мясников, кожевников, дубильщиков кожи, щедро пожертвовавших на ее постройку. Впрочем, как уточняют историки, большая часть денег, пущенных на строительство церкви, была конфискована у евреев. А что посвятили церковь святому Иакову, это неудивительно: именно тут и шла дорога на юг, приводившая в конце долгого путешествия к знаменитой испанской святыне Сантьяго-де-Компостела, по-французски – Сен-Жак-де-Компостель.

Жертвовали на церковь в надежде обрести в ней или возле нее место последнего упокоения не только мясники и прочие богатые буржуа квартала, но также и обитавшие рядышком писари. Их крошечные будки лепились к стенам храма со стороны нынешней рю Риволи, которую в ту пору так и называли – улицей Писарей или, может, улицей Писцов – в общем,

рю дез Экривен. Писцы учили в своих будках грамоте и составляли для клиентов бумаги. Среди этих просвещенных и богобоязненных грамотеев славен был своей праведностью и зажиточностью некий Никола Фламель, чья судьба сложилась весьма странно.

Жил он, подобно прочим, в крошечной будке, которой, по словам старинного автора, сам Диоген бы не позавидовал, и вот однажды во сне ему явился ангел и показал огромный золоченый манускрипт, украшенный загадочными рисунками и знаками, смысл которых был писцу неясен. А через несколько месяцев какой-то незнакомец принес в лавчонку Фламеля огромный раззолоченный манускрипт, который тот сразу узнал и купил. Раскрыв его, он с трепетом увидел название – «Книга Авраама, иудея, князя, священнослужителя, левита, астролога и философа, обращенная к народу иудеев, гневом Божиим рассеянному среди галлов». Рукопись оказалась собранием рецептов по алхимии. С той поры просвещенный Фламель стал искать философский камень и формулу, которые позволили бы ему превращать любой презренный металл в благородное золото. Он даже ходил под видом паломника в Испанию, чтобы повстречаться там с просвещенными иудеями в надежде, что те помогут ему понять смысл загадочных иероглифов из Книги Авраамовой. В конце концов он, говорят, раскрыл все тайны, и нашел камень, и всего достиг, но только вот, жалко, нам ничего не сообщил – помер и был похоронен в здешней церкви, и подпись на его надгробном камне цела и поныне. Он даже труд оставил после себя – «Книгу иероглифических рисунков Парижа», однако из этого труда тоже невозможно понять, как получить из любого металла золото, которого людям вечно так не хватает. Что же до его дома, который потомки, конечно, весь обшарили, то там золота не нашлось ни крупинки. В общем, хотите – верьте, хотите – нет...

В середине XVII века церковь неоднократно посещал знаменитый математик Блез Паскаль. Рассказывают, что он взбирался на самый верх башни Сен-Жак, чтобы проверить свои открытия о пустоте и земном притяжении. В ту пору ученый работал над созданием гидравлического пресса, и труд этот вконец истощил его здоровье, но на вершине башни получил он божественное откровение, после чего удалился в Пор-Руайяль, где предавался благочестивым размышлениям. Так что, может, именно на вершине этой башни открылось великому Паскалю, что хрупкий и ничтожный, подобный тростнику, человек тем и отличен от других растений, что он тростник мыслящий.

В начале XVIII века в церкви Сен-Жак играл один из самых блистательных представителей музыкальной династии Куперенов – композитор Франсуа Куперен.

А в конце столетия Францию, как известно, постигла революция. Церковь разграбили и продали на слом, надгробие Фламеля купил зеленщик, чтобы резать на нем овощи, однако ломать башню, которая была продана фабриканту охотничьей дробью, революционные власти не позволили, а позднее, после всех бед, в 1836 году, город Париж купил ее, и еще некоторое время производили в ней свинцовую дробь. В 1854 году в городе начались восстановительные работы. Башня являла собой тогда печальное зрелище: сброшены были на землю и гигантская фигура Иакова, и символы четырех евангелистов – орел, лев, телец и человек. Сиротски чернели пустые ниши... Мало-помалу ниши заполнились скульптурами, копиями тех, старых. Внизу был установлен мраморный Паскаль... Какой-то гравер приволок купленное им на толкучке надгробие Никола Фламеля. Нынче в сквере Сен-Жак можно видеть оригиналы былых изуродованных статуй (их отличные копии украшают саму башню), а также новую стелу, увековечившую память бедного поэта Жерара де Нерваля, который неподалеку от этих мест лишил себя жизни: он страдал душевной болезнью и повесился здесь в 1855 году. Похоже, круг завершился – мясники и дубильщики, обкраденные евреи, алхимики, Франциск I, Никола Фламель, паломники на пути в Сен-Жак-де-Компостель, Паскаль, Куперен, революция, Реставрация, де Нерваль, сюрреалисты... Да мало ли о чем еще может напомнить «пламенеющая готика» этой загадочной башни...

По бывшему болоту

*Ты не стареешь вместе с нами,
неувядающий Париж...*

В. Гальской

На север по болоту, по следам рыцарей-храмовников (квартал Маре)

Не бойтесь болот – их давно осушили храмовники, не страшитесь и рыцарей-храмовников – они сгорели на кострах или разбрелись по свету в результате некрасивых поступков короля Филиппа Красивого; смело пускайтесь в путь – вы увидите один из самых экзотических районов правого берега, где болота и храмовники остались лишь в названиях улиц (Храмовая улица, улица Старцев Храма, улица Белого Плаща), в исторических хрониках, в книгах, на картинах и гравюрах. От более поздних времен остались нам великолепные дворцы-«отели», столь бережно хранимые городом (в строгом соответствии с декретом деголлевского министра культуры писателя Андре Мальро), что временами кажется, будто люди не живут тут больше, что ты в музее. Днем-то еще, конечно, торгуют лавчонки, кишат людом галереи, музеи, американские туристы ищут, где тут настоящие парижские евреи продают настоящий фалафель, днем туристы издали, по походке, по интонации узнают соотечественников, днем поклонники Пикассо толпятся у великолепного «пикассиного» дворца-музея, а вот ночью порой бывает пустынно и жутковато, разве что гомосексуалисты, освоившие улицу Бретонского Креста и ее окрестности, гуляют в кафе, а, может, еще какой-нибудь запоздалый галерейщик сидит среди своих шедевров в надежде на шального ночного покупателя... Вот в эту-то пору, встав у великолепного подсвеченного дворца-«отеля» (во избежание ошибок напомним, что «отель», а тем более «отель партиюлье» – это в Париже не гостиница, а особняк, частный дом, шикарная городская вилла, даже и дворец), и вспомнишь прошлое квартала Маре да его рыцарей-храмовников, то бишь тамплиеров.

Рыцарский орден храмовников («тамплъ» и значит «храм», тут имелся в виду древний Иерусалимский храм) создан был на Святой земле в 1118 году для защиты от мусульманских нападений на паломников, идущих ко Гробу Господню. В 1139 году по возвращении из Святой земли группа монахов-рыцарей осела на северо-восточной болотистой окраине крошечного Парижа и взялась за труд: осушила болота, возделала землю, развела огороды. Орден уже разбогател к тому времени за счет благодарных паломников, окружил свой квартал укрепленной стеной с воротами, создал свой банк – в общем, это был «город в городе», притом город более надежный, чем королевский Париж. Недаром же, отправляясь в Третий крестовый поход, французский король Филипп-Август отдал часть своих сокровищ на хранение храмовникам, а английский король Генрих III, гостя в Париже, счел, что безопаснее всего ночевать в Маре у тамплиеров. Да и королю Филиппу Красивому пришлось однажды прятаться от толпы у тамплиеров. Наглядевшись на их достаток, он воспылал завистью и решил, погубив монахов, поживиться за их счет. В 1313 году орден был объявлен во Франции вне закона, тамплиеров стали преследовать за всякие мифические проступки, и больше пятидесяти членов ордена были сожжены заживо на острове Евреев посреди Сены. А в марте 1314 года был казнен на острове гроссмейстер ордена Жак де Моле. Перед смертью он проклял и короля, и Папу Климента V, и, надо признать, оба они не дожили после этого до рождественских праздников. В Маре поселились соперничавшие с тамплиерами монахи-госпи-

тальяеры. Район не заглох вовсе, но утратил монашескую суровость. Аристократы и богатые финансисты строили теперь здесь роскошные дворцы, здесь процветали искусства, здесь были знаменитые литературные салоны, и, даже когда королевская семья покинула здешние отели Сен-Поль и Турнель, переселившись в Лувр, аристократы продолжали роскошествовать в Маре на свободе.

В XVIII веке в Приорском дворце в Маре процветал салон принца Конти, это у него гостил Жан-Жак Руссо, у него играл на фортепьяно маленький Моцарт, и весь блестящий Париж считал своим долгом являться сюда на поклонение гениям. Приорский дворец не уцелел до наших дней, но представление о той эпохе могут нам дать уцелевший отель Субиз, великолепнейший отель Сент-Эньян, отель Монмор, в котором друг мадам Севинье Анри-Луи де Монмор устроил частную академию наук, послужившую зародышем нынешней Академии наук. В отеле Монитор Мольер читал своего «Тартюфа» после того, как пьеса была запрещена. Богатейшая библиотека де Монмора и его собрание рукописей были позднее куплены Кольбером, а ныне хранятся в Национальной библиотеке Франции. Таких дворцов-«отелей», как Монмор, и ныне еще немало в квартале Маре; отель Эруэ, отель Голландских Послов, отель Сане, отель Руан-Страсбург, отель Куланж, отель Гегено и еще, и еще... Правда, нет уже больше прежних укреплений квартала Маре, нет знаменитой башни XIII века: ее снесли в XIX веке, как и Приорский дворец, в котором вечером 13 августа 1792 года была взята под стражу королевская семья и откуда 12 января 1793 года его величество короля Людовика XVI увезли на казнь. Что до семилетнего наследника Людовика XVII, якобы захороненного на кладбище Сент-Маргерит, то на самом деле тело его так и не было найдено, загадка эта до сих пор не разгадана, в результате чего французские историки насчитали более сорока лженаследников в разных концах Франции...

К XIX веку аристократия отсюда все же поразъехалась: одни переселились в предместье Сен-Жермен, другие – на рю Сент-Оноре. А здесь стали селиться кустари, производили какие-то кичевые «парижские» сувениры. Потом прибыли экзотические иноземцы...

Несколько лет тому назад, гуляя по улицам Маре с приезжими русскими друзьями в холодный зимний вечер, я зазвал их в какое-то кафе погреться чайком. Чай их удивил – он был сладкий, мятный. Еще больше удивила их публика: какие-то небритые пираты или бедуины мрачно резались в углу в карты.

– Туареги? – с опаской спросил мой эрудированный друг.

Я перевел его вопрос девушке-кабатчице.

– Наши. Евреи, – сказала она равнодушно.

Мне пришлось объяснять другу, что эту улицу Розье начали обживать когда-то европейские, по преимуществу немецкие евреи, но с тех пор их сильно потеснили здесь евреи североафриканские, сефарды из Магриба. Они-то и приучены к приторно-сладкому чаю с мятой. Религия у них та же, что у европейских евреев-ашкеназов (тех, конечно, ашкеназов, что сохранили религию), но остальное – не слишком похоже. Впрочем, многие из них сочетают патриархальную религиозность с бывшей некогда в моде верой в коммунизм, в Мировую революцию и ее пророка Л. Троцкого. Думаю, впрочем, что это уже скорее влияние французской левацкой моды, чем пережиток африканского колорита. Так или иначе, я не знаю, по совести, чего можно ждать от висящей здесь на стене рекламы еврейской летней колонии, обещающей на все дни летнего отпуска «чисто еврейскую атмосферу» («амбьянс жюив»). Значит ли это, что за кошерным обедом там будут рассказывать еврейские анекдоты из Одессы? Или что вас будут там агитировать за «перманентную революцию»? На всякий случай лучше не ехать. Тем более что ни в каких самолетах не кормят так плохо, как на «кошерной» израильской линии «Эль Аль». Впрочем, ашкеназский ресторан Гольденберга (он здесь же, на улице Розье) пользуется у французов большим успехом. Но там ведь балык, икра, селедочка, копченая колбаска, соленые огурчики (из Польши), черный хлеб, хала с

маком, правда, и цены едва ли не круче, чем в нынешней Москве. Кстати, французы так и представляют себе русскую кухню: оладушки с икрой, как у Гольденберга. А палестинские воины-экстремисты видят в этих блинах главную угрозу исламу (недаром именно под мирных парижских пожирателей оладушек они подложили как-то бомбу)...

Учитывая религиозные потребности обитателей квартала и любопытство ностальгических туристов из США (думаю, это для них продают здесь сэндвичи с фалафелем), в квартале за минувшее столетие открыли несколько синагог. Постройку одной из них (дом № 10 на рю Паве, rue Pavée) грамотные члены общины заказали (в 1913 году) самому гению модерна Эктору Гимару. Кстати, на старинной улице Розье (некогда ее называли Круглой дорогой, ибо она опоясывала изгиб оборонительной стены Филиппа-Августа) сохранились еще бесценные элементы старинной архитектуры (дома № 16, 18, 20, 23, 32). Еще больше их на прилегающих улицах квартала (улице Архивов, улице Старцев Храма, на рю Сент-Круа-дела-Бретоннери). Последняя из названных улиц стала ныне истинной Меккой парижских геев – атмосфера здесь по вечерам почти сан-францисская.

Жемчужиной этого квартала дворцов и храмов по праву считают элегантную и праздничную **площадь Вогезов** (Вогезскую площадь, Place des Vosges). Еще в начале XVII века всю эту площадь и прилегавшие к ней улицы Сент-Антуан, Турен, Турнельи Сен-Жиль занимал огромный дворец – отель Турнель. Построен он был в конце XIV века для Пьера д'Оржемона, а к середине XVI века сюда успели вселиться герцог Беррийский, герцог Орлеанский, герцог Бедфордский, Карл VI, Людовик XI... Это было странное сообщество, крепко спаянное привязанностями, ненавистью, интригами. Но великие люди не разъезжались, хотя жили, как пауки в банке. Особенно страдала от этого королева Екатерина Медичи...

Конец общежитию положил роковой день 30 июня 1559 года. Во дворце проходили свадебные торжества по случаю бракосочетания Елизаветы Французской с Филиппом II Испанским – с песнями, плясками и, как водится, рыцарскими турнирами. И вот в дружеском поединке против капитана шотландской гвардии графа де Монтгомери король Генрих II был смертельно ранен на глазах у супруги-королевы и своей возлюбленной Дианы де Пуатье. Агония длилась десять дней, король отдал Богу душу, и безутешная вдова заявила, что она больше и дня не останется в этом проклятом Турнельском дворце. Она переехала в Лувр на время, пока не будет построен для нее дворец Тюильри. А от Карла IX королева добилась разрешения снести ненавистный дворец. Сказано – сделано: на просторном пустыре долго шумел знаменитый конный рынок, сустились лошади и конокрады. Именно здесь произошла некогда знаменитая стычка сторонников Генриха III с людьми де Гиза (католики, гугеноты, кто там еще – как они только различали друг друга?). А потом площадью занялся следующий Генрих, по номеру Четвертый. К 1594 году он уже окончательно установил, что этот грязный Париж «стоит мессы», и водворился в столице. Провинциал-наваррец, он решил сделать этот незавидный город «целым миром и одним из чудес света», так что «славный король» Генрих IV был первым в Париже – пользуясь нынешней терминологией – урбанистом. Это ведь он возобновил работы на Новом мосту (Pont-Neuf), спроектировал площадь Дофина и продолжил улицу Дофины до самой Сены, взялся за оборудование Большой и Малой галерей Лувра, начал сооружение площади Франции в том же квартале Маре и озаботился водоснабжением города и уборкой мусора, специально для этого изучив опыт итальянских городов. Только после этого короля Париж стал постепенно превращаться в один из образцовых городов Европы. Продолжая начатое Екатериной Медичи обустройство квартала, Генрих IV создал Королевскую площадь, ныне носящую название площади Вогезов. Поначалу он построил посреди площади шелкоткацкую мануфактуру, а вокруг нее по краям площади велел поставить дома для рабочих. К 1607 году мануфактура пришла в упадок и была разобрана, а на месте жилых домов воздвигли новые, более престижные, однако со сходными фасадами. Король изъявил желание, чтобы площадь стала местом торговли и

прогулок. Увы, королю-градостроителю не суждено было увидеть завершение своих планов: 14 мая 1610 года он был убит Равайяком, а открытие этой новой, праздничной парижской площади, так мало похожей на другие, состоялось весной 1612 года во время сразу двух свадебных празднеств – женитьбы принца Испании и бракосочетания французского короля и Анны Австрийской.

Однако расцвета своего эта площадь, названная Королевской площадью (именно так назвал одну из своих драм великий Корнель), достигла в царствование Людовика XIII. Это уже при Людовике XIV знать потянулась вслед за королем в иные пределы. Крупные финансисты, впрочем, долго еще сохраняли верность этим местам. Великая революция с присутствием ей «изысканным» вкусом (наш Бунин тонко подмечал бездарность таких ее изобретений, как «Кульм Разума») переименовала красавицу площадь в площадь Неделимости, а чуть позднее, во время ярмарки 1800-го, в честь провинции, первой выполнившей план налогообложения, – Вогезской (верная ученица французской революции, русская революция-путч назвала бы ее площадью Продналога или площадью Госпоставок). Но революция минула, и площадь стала обретать свою прежнюю элегантность. На ней почитали за честь селиться люди, знающие толк в городском жилье. Именно так поступил прославленный Виктор Гюго, много лет занимавший этаж в отеле Лаварден (дом № 6). Французский классик прожил здесь добрых шестнадцать лет, всласть предавался украшению своего жилищного интерьера, написал здесь несколько драм и часть романа «Отверженные», выдал замуж дочку Леопольдину. Здесь он принимал гостей, чьи имена вам, вероятно, знакомы, – Бальзак и Мериме, де Виньи и Ламартин, Дюма и Сент-Бёв, Беранже и Давид Анжерский... На славной этой площади и в «отелях» квартала Маре жили Жак Бенинь Боссюэ, Теофиль Готье, Марион Делорм, Альфонс Доде и многие другие знаменитости. Об одной из них мы расскажем особо.

По следам комиссара Мегрэ и его творца Сименона

В квартале Марэ, на славной площади Вогезов, провел в молодости несколько счастливых лет, познал первый успех и радости любви всемирно известный и очень талантливый бельгиец, писатель Жорж Сименон. Он творил в столь любимом читающей публикой жанре детективного романа, и его герой, симпатичный комиссар Мегрэ, превзошел своей мировой славой нашего вполне симпатичного майора Пронина с Петровки, 38. Трудно, оказавшись в Париже, не поддаться искушению погулять по парижским следам легендарного Мегрэ и его столь же легендарного создателя Жоржа Сименона. Прогулка эта представляет интерес не только потому, что инспектор и его творец вдоль и поперек исходили Париж, но и потому, что в Париже прошла и самая, вероятно, важная для его становления как писателя часть жизни молодого бельгийца. Добрых два десятка лет провинциал-бельгиец бурно обживал и познавал французскую столицу, успев стать (как это часто бывает с недавними провинциалами) истинным парижанином, которого знал «весь Париж». Прогулка же в обществе прославленного детектива Мегрэ настроит и нас с вами на исследовательский или хотя бы на следовательский лад, так что, может, и нам удастся раскрыть какие-нибудь тайны. Скажем, тайны Парижа, или тайны Мегрэ, или тайны самого Сименона, который последние полтора десятилетия своей совершенно фантастической жизни занят был созданием биографического мифа о Сименоне, диктуя собственные мемуары на магнитофон, записывая их четким и мелким почерком или бесконечно рассказывая историю своей жизни корреспондентам. При этом, как всякий писатель, еще при жизни достигший богатства и славы, он творил для себя новый «имидж», тасуя полузабытые истории, не в силах отделаться от обретенного за трудовую жизнь литературного навыка, иными словами, сочиняя новый роман – роман о своей жизни. Ну а читатель, особенно поклонник детективных романов, он ведь хочет докопаться до истины, хотя бы и горькой, хочет знать, что же все-таки было на самом деле. В результате обычно случается то, чего так боится писатель-мифотворец: по следам писателя (уже вскоре после его смерти) устремляется биограф, который извлекает на свет Божий документы, устные свидетельства близких, неуютные факты. Увы, так случилось и с Сименоном... Впрочем, не будем медлить. Нас ждет сименоновский Париж, и вот уже попыхивают две трубки и солидные фигуры наших спутников, инспектора Жюля Мегрэ и писателя Жоржа Сименона, маячат за углом парижской улицы. Что ж, в дорогу...

Как и для тысяч тогдашних приезжих, Париж для Жоржа Сименона начинался на Северном вокзале, на Гар дю Нор, под великолепным стеклянным навесом архитектора Хитторфа, приведшем некогда в восторг заказчика – самого императора Наполеона III. Впрочем, ошарашенному новичку по приезду обычно не до стеклянной крыши, он озабочен предстоящими трудностями. В творимой им позднее легенде Сименон даже усугублял свои растерянность и страх перед незнакомым Парижем, свое одиночество новичка-провинциала. На самом деле его встретил на вокзале друг-художник, который еще на родине, в бельгийском Льеже, был душой их богемной компании. Так что молодой льежский журналист Жорж Сименон, или, как он себя представлял, Жорж Сим, сразу попал в шумную компанию молодых земляков-бельгийцев, которые собирались в ателье его друга на Монмартре, на улице Мон-Сени. На этой знаменитой улице сохранились еще остатки старого Монмартра, есть башня XV века, однако молодым завоевателям французской столицы не до чужой истории: они пьют вино, спорят о политике, о профессии и строят планы на будущее. Девятнадцатилетний Сименон уже сделал дома первые шаги в журналистике, в кармане у него рекомендательное письмо от редактора «Льежской газеты», но он мечтает о литературной карьере. Во время шумного дружеского застолья он заявляет, что будет подобно Форду, который клепает дешевые машины на конвейере, печь какое-то время литературные произведения для денег,

а уж потом для себя самого не спеша соорудит блистательный «мерседес». Оставались ли у него полвека спустя силы на создание «мерседеса» – вам судить...

Для начала судьба и рекомендательное письмо редактора «Льежской газеты» приводят Сименона в поисках места на улицу Фобур-Сент-Оноре. Здесь, близ знаменитого концертного зала Плейель, в старинном обшарпанном доме жил писатель Жан Бине-Вальмер, к которому Сименон устроился секретарем; Бине-Вальмер был литератор не слишком знаменитый, но зато являлся активным политиком, возглавлял политическую организацию и даже издавал какую-то газету. Организация, как пишет Сименон, была «ультраправая, как и “Льежская газета”, из которой я явился». Понятно, что молодому журналисту не всегда приходится выбирать газету, но, поскольку в России в 80-е годы много было написано о прогрессивных и гуманистических воззрениях Сименона, может, следует уточнить, что ни взгляды «Льежской газеты», ни взгляды парижского его хозяина не коробили молодого Сименона. Еще в «Льежской газете» он отличился длинной серией в семнадцать антисемитских статей, пересказывавших модные в тот год «Протоколы сионских мудрецов», что же до его критики капитализма, которой позднее так восторгались советские литературоведы, то Сименон действительно всегда с яростью разоблачал чужой (но не свой) капитал, банки, парламенты, демократию, и в этом плане действительно красные и коричневые смыкаются очень близко. Все эти взгляды с небольшими вариациями можно было проследить позднее и в романах, и в газетных статьях Сименона.

После Бине-Вальмера Сименон служил секретарем у другого ультраправого политика – маркиза де Траси и жил у него в замке. Там ему тоже приходилось писать статейки для местной, вполне коричневой газеты, и только в 1924-м Сименон с молодой женой, землячкой-художницей из Льежа Режин Раншон, которую он звал Тижи, наконец поселился окончательно в Париже в отельчике «Босежур» на рю де Дам, то есть на Дамской улице, в Батиньоле. Этот колоритный квартал расположен на севере Парижа, неподалеку от площади Клиши, в двух шагах от бульвара Батиньоле – там, учтите, и ныне еще отели не слишком дороги, а молодые супруги занимали всего одну комнату и даже не имели права готовить у себя пищу.

Монмартр находился неподалеку, совсем рядом были и бульвар Клиши, и площадь Пигаль, и значные места, и бордели, которые, если верить его рассказам, Сименон всегда посещал усердно, как только появлялись деньги. В общем, в двух шагах от них бурлила криминальная стихия будущего инспектора Мегрэ, это, если помните, и был его участок до того, как он перебрался в управление на Кэ-дез-Орфевр. Сименон (или Жорж Сим) начинает здесь журналистскую борьбу за выживание – пишет заметки, очерки, репортажи, разносит их всюду, где берут, или отсылает в Бельгию. Супруга его купила однажды общую тетрадь, куда стала заносить все литературные доходы, все скудные пока еще гонорары.

Мало-помалу Жорж Сим начинает писать рассказы для доброго десятка низкопробных журналов вроде «Фру-фру», «Парифлирт», «Рик-э-рак» и наконец проникает в более солидную «Матен». Это удача для новичка. Супруги перебираются в новое жилье, на знаменитую площадь Вогезов, на плас де Вож. Их маленькая квартирочка – на первом этаже дома № 21, бывшего дворца маршала Ришелье, о котором Сименон написал позднее, что герцог Ришелье «прославился не военными победами, а своими сексуальными подвигами». Так или иначе – исторический дом на исторической площади... И в утренней тишине квартала, и днем, и даже в ночи Жорж Сим – за письменным столом. Милая Тижи выполняет все домашние обязанности и еще успевает заниматься живописью. Вечером она ведет мужа на Монпарнас, где собираются художники, парижская богема, – в «Куполь», в «Дом», в «Ротонду». В «Куполи» Сименон беседует с барменом Бобом, знакомится с русским писателем и поэтом Эренбургом. Среди его друзей-художников также Моше Кислинг. Там бывают в те годы и Вламинк, с которым Сименон сходится ближе всех, и Макс Жакоб, и россиянин Сутин,

и Пикассо. Иногда среди дня Сименон гуляет по своему кварталу Маре, забредает на рю де Розье, где живут иммигранты-евреи из Литвы, Польши, Чехословакии. О них, как ему кажется, он все знает с детства: молодые студенты-евреи из Восточной Европы снимали комнаты в доме его матери в Льеже. При сложных, ревнивых отношениях Сименона с матерью это не пробудило у него симпатии к разлучникам-евреям... Так что все, что ему нужно было знать о евреях и во что хотелось бы верить, Сименон нашел в «Протоколах сионских мудрецов». Неудивительно, что и в романе, который официально считается первым его романом с участием инспектора Мегрэ, в романе «Латыш Петр», именно сюда, на рю де Розье, где живут ненавистные евреи, в поисках преступников забредает инспектор Мегрэ. Любопытно, что через полвека с подачи самого писателя автор советского послесловия о Сименоне приписывал этим ненавистным студентам, которых Сименон лукаво называл «русскими революционерами», благотворное влияние, которое они оказали на подростка Сименона... Но где ж знать простому московскому доктору филологии все эти тонкости – что он, психоаналитик, что ли?

Итак, середина двадцатых годов, благословенная парижская жизнь молодого, пока еще небогатого писателя на площади Вогезов. Супруги вместе ходят в маленькие кинотеатры левого берега – «Урсулинки» или «Вье Коломбье», иногда добираются до Монмартра, бывают на концертах, на спектаклях – в Театре Елисейских Полей или в маленьком кабаре близ Мадлен, которое называется «Бык на крыше». Здесь можно было увидеть и Дягилева, и Поля Морана, и Андре Жида, и Мориса Шевалье, и Коко Шанель. Здесь много русских. Здесь все знают друг друга. И уже многие знают Жоржа Сима.

Чуть позднее у Сименонов появляется прислуга из деревни, крепышка по кличке Буль, то есть Шарик. Она во вкусе Сименона, так что становится прислугой, другом семьи и любовницей хозяина. Она осталась с ним до конца своих дней.

Когда в доме № 21 освободилась квартира, Сименон снял еще и салон с видом на площадь Вогезов. Здесь он теперь пишет, сравнивая себя с ремесленником, с крестьянином, который знает цену своей продукции на вес: в отличие от многих собратьев по перу он умеет торговаться, умеет зарабатывать деньги, знает цену своему труду. Впрочем, он не преувеличивает литературных достоинств этой продукции и никогда не подписывает ее собственным именем. За семь лет, с 1924 по 1931 год, он напечатал 180 так называемых популярных романов, подписав их полутора десятками псевдонимов. Он набивает руку, он овладевает техникой. Герои его романов путешествуют, совершают подвиги на Монблане, на Южном полюсе, во льдах, но сам он не выходит из комнаты, он держит под рукой географический атлас и иллюстрированный словарь Ларусс – этого ему достаточно. Он листает, читает, пишет – очень быстро... Иногда он выходит ненадолго подкрепиться в недалекий ресторанчик. Позднее туда забегал и Мегрэ – это в тупике Генеме, что близ улицы Сент-Антуан, на самом углу.

Подлинные его путешествия пока пролегают по Парижу на пути к издателям: на улицу Антуан-Шантен, что в XIV округе, – к издателю Ференци, на улицу Сен-Готард – в издательство Артэма Файяра, зять которого покровительствует Сименону и часто приглашает его к себе домой на рю д'Амаль или в кафе «Куполь». Несколько издателей едва успевают выпускать все, что пишет Сим, – он пишет очень быстро и производит как раз то, что нужно издателям, стараясь не выходить за рамки игры.

Жорж Сим теперь свой человек в Париже. Недаром же озабоченный приемом прибывающего в Париж советского наркома просвещения Анатолия Луначарского директор театра «Одеон» просит именно «малыша Сима» поводить могущественного наркома по столице. Сименон показал наркому все, что было достойно внимания в Париже, и в первую очередь повел его, конечно, к прославленной Жозефине Бекер. Он и сам открыл танцовщицу совсем недавно, одновременно со всем Парижем, в октябре 1925-го, во время ревю американского диксиленда в знаменитом Театре Елисейских Полей, том самом, что еще помнил дягилев-

ский скандал и триумф Нижинского... Дерзостные позы, животная фация и волнующая сексуальность этой гениальной мулатки из миссурийского городка Сент-Луис тоже вызвали скандал и имели шумный успех. Сотни мужчин были тогда взволнованы игрой актрисы, но не многие, подобно Сименону, решились отправиться к ней за кулисы, чтобы попытаться счастья. «Малыш Сим» добился своего – он стал ее близким другом и любовником. Он не женился на ней, потому что уже был женат, и к тому же здраво рассудил, что рядом с прославленной мадам Бекер он, еще не снискавший славы, станет не более чем месье Бекером. А он не сомневался, что его собственная слава не за горами.

Новый издатель Сименона, Эжен Мерль, хозяин «Белого Мерля», «Фру-фру», «Пари-суар» и других газет и журналов, которые Сименон исправно заполнял своей продукцией, решил основать новую газету и для ее рекламы придумал трюк. Первый номер его «Пари-матэн» должен был открыть роман Жоржа Сима, роман, который этот гениальный, плодовитый, пулеметно-скоропишущий Сим будет сочинять на глазах у публики, сидя в стеклянной клетке на террасе «Мулен-Руж». Причем сами читатели путем референдума заранее определяют название романа и список его персонажей. А великий Сим будет передавать наборщику исписанные листы, которые будут тут же выставляться на обозрение публики. Сименон согласился, только, как всегда, жестко обсудил финансовые условия: 50 000 аванса, 50 000 по окончании и еще по франку с четвертью за строчку. Мерль не поскупился на рекламу, возвещая о том, что двадцатитрехлетний гений уже написал тысячу рассказов и шестьдесят романов, что он пишет с невероятной скоростью и может за час написать очередную порцию текста для номера газеты. Ж. Сименон и сам многим уже успел похвастать, что за сорок пять минут может отстучать на машинке десять страниц романного текста...

Некоторые биографы Сименона описывают этот невероятный аттракцион так, словно он действительно имел место. На самом деле Мерль усомнился в том, что фокус этот окупится и принесет после всех затрат ожидаемый доход. Сенсационное мероприятие не состоялось, но по странной аберрации памяти Сименон вошел в историю как «тот самый Сименон, что писал в стеклянной клетке». Позднее Сименона раздражали все эти ярлыки и термины вроде «феномен Сименона», «случай Сименона». Он не хотел быть феноменом. Он хотел быть просто писателем, настоящим писателем, таким, как его великие предшественники. В конце концов, разве Мольер не написал «Мещанина во дворянстве» по заказу за один месяц, разве Вольтер не написал «Кандида» за одну ночь, а Гюго свой первый роман за пятнадцать дней? Разве не понаписали кучу романов для денег великий Дюма-отец и великий Бальзак? Может, Сименон и пожалел через десять, двадцать или сорок лет, что сам некогда распускал все эти слухи про «Сима, который пишет десять страниц за сорок пять минут», про великого мужчину Сименона, которому нужны три женщины в день. Но удержаться он уже не мог – ни от торопливой работы для денег, ни от саморекламы и эксгибиционизма. Даже в старости в диалоге с Феллини, имевшем якобы целью разрекламировать фильм «Казанова», он заявил вдруг, что у него было 10 000 женщин, из них 8000 проституток. Он и позже, в страшном, трагическом интервью о самоубийстве дочери, вдруг вспоминал о себе какие-то непростойности. Инерция...

К двадцати восьми годам Сименон решает, что ему пора начать писать под своим именем. К этому времени в романах его появляется новый персонаж – комиссар Мегрэ. Запершись в номере гостиницы «Эглон» на бульваре Распай (я жил там когда-то с московской писательской группой туристов, и никто из нас не знал, чем славен «Эглон»), Сименон пишет несколько романов, в которых комиссар Мегрэ, имя которого уже мелькало у него здесь и там, становится главным героем. Желая начать новую жизнь, Сименон создает про запас несколько романов с комиссаром Мегрэ. Среди них «Латыш Петр», где герой – «русский» (латыш, еврей – в общем, «русский»), и «Человеческая голова», где появляется персонаж, похожий на Илью Эренбурга, носящий фамилию Радек: сказывается близость гости-

ницы «Эглон» к «Ротонде». Договорившись с Файяром об издании серии о Мегрэ под его настоящим именем, Сименон дает бал в мартиникском ночном баре «Белый шар». И афиши, и декор, и приглашительные билеты, и карточки с афоризмами комиссара Мегрэ – все на этом балу выдержано было в полицейско-тюремном стиле. Кого только не было в ту ночь в мартиникском баре на улице Вавэн! И поэт Франсис Карко, и подруга Дягилева Мися Серт, и Филипп де Ротшильд, и знаменитая модель Кики с Монпарнаса, и художники Кислинг и Дерен, и журналист Пьер Лазарев. Презентация комиссара Жюля Мегрэ удалась на славу, комиссару оставалось теперь отправиться на завоевание Франции, Европы, далее везде. И может, сейчас, когда Мегрэ только двинулся на завоевание мира с предрассветной парижской улицы, самое время присмотреться к нему поближе.

Мегрэ как раз в том возрасте, в котором умер отец Жоржа Сименона, Дезире. Что до биографии, то она кое в чем напоминает биографию его творца. Он не сыщик-интеллектуал, он не Пуаро, не Шерлок Холмс, он полагается на инстинкт, на интуицию, на нюх. Запахи, кстати, вообще играют огромную роль у Сименона. Память Сименона воспроизводит запахи пива в льежских пивных его детства, запах и шум льежского дождя. Комиссар любит выпить, но редко напивается, он человек привычки и традиций. Он автодидакт, как и его творец, поэтому не любит умников, эрудитов, не любит депутатов, не любит парламенты, не любит богачей. Поднимаясь на свой этаж в доме на бульваре Ришар-Ленуар, он расстегивает пальто и лезет в карман за ключом, хотя точно знает, что Луиза, его жена, откроет дверь прежде, чем он вставит ключ в замочную скважину. Сила традиции. Он давно в Париже, но остается в душе провинциалом, человеком от земли...

Парижская жизнь его в основном протекает в треугольнике между его домом на бульваре Ришар-Ленуар (хотя, может, вы отметили, что ему доводилось одно время быть соседом Сименона на площади Вогезов), между штабом уголовной полиции на набережной Златокузнецов, на Кэ-дез-Орфевр, что на южном берегу острова Сите, и набережной дела Рапе, где находятся судебно-медицинский институт и знаменитый морг. Можно было бы назвать еще бульвар Бон-Нуviel, куда он раз в неделю ходит в кино с женой, два-три, а может, и десять – двадцать его любимых кафе, бистро и пивных, но боюсь, что перечисление отнимет у нас слишком много времени. Оттого я просто посоветую читателю, как однажды это сделал живший в Париже писатель Виктор Некрасов, побродить в свободный вечер вместе с комиссаром Мегрэ по улицам Парижа. Побродить, не выходя из дома, как чаще всего делал и сам творец Мегрэ Жорж Сименон. Побродить, положив рядом на диване роман Сименона, карту Парижа, а если попадет под руку – и хороший путеводитель, который поможет сделать путешествие более содержательным, ведь, в конце концов, полицейский комиссар не эрудит и не историк, он знает Париж, но воспоминания его носят по большей части семейный и служебный, то есть криминальный, характер. Зато присутствие Мегрэ сообщит вашей прогулке то, за что так высоко ценят Сименона, – его знаменитую «атмосферу». Сам писатель объяснял умение создавать ее своей близостью к эпохе художников-импрессионистов. Однако он знал, конечно, что и образом Мегрэ, и знаменитой «атмосферой» он обязан только своему исступленному труду и своему таланту.

Итак, вооружившись книгами, отправляйтесь странствовать по Парижу комиссара Мегрэ. Маршрутов при этом представится великое множество. Можно проследить путь буфетчика Проспера Донжа, который из своего домика на холме пригородного Сен-Клу едет на работу в отель «Мажестик» на велосипеде: едет мимо домиков с садиками в Сен-Клу, через мост Сен-Клу, мимо ворот Сен-Клу, через Булонский лес, мимо прудов, мимо Порт-Дофин, по авеню Фош, мимо Триумфальной арки и площади Звезды, по Елисейским Полям и на другую сторону, к отелю, к улице Берри и служебному входу в отель с улицы Понтье. Конечно, буфетчику, который в такую рань спешит на работу (а тут еще и шина у него лопнула на заднем колесе) не до красот примелькавшегося маршрута, но для нас, праздных

туристов, это прекрасное путешествие: на пути и Булонский лес, и Порт-Дофин (названный так в честь Марии-Антуанетты) с прелестным павильончиком метро – стеклянной бабочкой Эктора Гимара, и авеню Фош со множеством деревьев, великолепнейший бульвар, может, один из самых красивых в Париже (иные считают, что он один из самых красивых в мире), потом площадь Звезды, ныне Шарль-де-Голль-Этуаль, Елисейские Поля...

Шикарный отель «Мажестик», в котором служит буфетчик Донж, подозреваемый в убийстве, появляется уже в первом романе с Мегрэ – в романе «Латыш Петр». Сименон дает там портрет инспектора, человека, столь мало совместимого с обстановкой отельной роскоши: «Присутствие Мегрэ в “Мажестике” совершенно не вязалось со здешней атмосферой. Он являл собой как бы инородное тело, которое она как бы отказывалась принять в себя. Не то чтобы он являл собой образ полицейского с популярной карикатуры: у него не было усов, он не носил ботинок с толстой подошвой. Одежда его из довольно тонкой шерсти, хорошего покроя. Он брился каждое утро, и руки у него ухоженные. Однако остов его тела был плебейским. Он был огромен и костист. Жесткие его мускулы проступали под пиджаком и лишали складок только что купленную пару брюк... Трубку, зажатую в зубах, он не вынул изо рта, хотя и сидел в “Мажестике”. Может, это была нарочитая грубость, знак уверенности в собственных силах».

Итак, Мегрэ чужд роскоши отелей «Мажестик», «Кларидж», «Георг V»... Ну а Жорж Сименон? Под неподкупным взглядом комиссара Мегрэ должен признать, что певец «маленького человека» Сименон всю эту роскошь обожал, что он щеголял ею; и это стало очевидным в его жизни именно с момента появления Мегрэ в его романах. В это время Сименон переехал в аристократический Нейи, заказал посуду с инициалами, стал шить костюмы у лучших портных, обедал у «Максима», а свидания отныне назначал в «Фуке». Он поселился в доме № 7 по улице Ричарда Уолласа, но, так как в доме № 7 не было знаменитостей, он говорил, что живет в доме № 3, в том же, где Абель Ганс, Даниэль Дарье и Пьер Брассер. Заветным парижским адресом для него, как, впрочем, и для почти всякого французского писателя, становится дом № 3 на улице Себастьян-Ботен. Здесь размещалось издательство «Галлимар», в котором издавалась настоящая литература. Сименон близко знакомится с Гастоном Галлимаром, Сименона много печатают здесь, но печатают не в престижной серии «Новый французский роман». К последней знаменитый Жан Полан его не подпускает, считая, что, хотя Сименон полезен для кассы, он вульгарен. Полан уже тогда употреблял такие обидные термины, как «феномен Сименона», «загадка Сименона» или «случай Сименона».

Есть еще место, где над Сименоном посмеиваются. Это настоящая полиция, контора на Кэ-дез-Орфевр. Для настоящих полицейских Мегрэ – дилетант и, уж конечно, не тянет на комиссара, а может, и на участкового инспектора. И потом, почему он ведет следствие за границей? На это есть «Сюрте женераль». Этих «почему» у профессионалов много, но Сименон пренебрегает мелочами, и он прав – он ведь придумывает свою полицию, такую, какой нет на свете. Впрочем, публика и журналисты принимают его расследования всерьез. В газетах его принимают с распростертыми объятиями, и он приносит туда зачастую что-нибудь сенсационное, скажем, интервью с Троцким, который показался ему страстным любителем рыбной ловли. Особенно тепло относился к Сименону редактор «Франс суар», знаменитый Пьер Лазарев. Он поручил Сименону репортаж-расследование дела афериста Ставиского. И тут всемогущий Мегрэ растерялся. Тайна была настоящая, не им придуманная, и какие-то проходимцы стали за деньги поставлять ему «утки» и обвели его вокруг пальца. Впрочем, Сименон часто ездил от газет по Европе, ездил в Африку, привозил оттуда репортажи, зачастую выдававшие его ультраправые взгляды.

Был еще один адрес в Париже, которым Сименон дорожил. Дом Андре Жида на западной окраине Отей. Конечно же и этот уголок Парижа пригодился комиссару Мегрэ: «В квартале, расположенном вокруг Отейской церкви, преступления случаются редко. А улица

Лопер, которая никуда не ведет, вернее, даже не улица, а дорога, окаймленная двумя десятками частных домов, скорее могла бы сойти за провинциальный бульвар. Находишься в двух шагах от улицы Шардон-Лагаш, а чувствуешь себя вдали от парижского шума...»

Вот тут и располагался дом Андре Жида. Сименон дорожил дружбой с Андре Жидом, который подбадривал его и то ли искренне, то ли по дружбе давал всегда высочайшую оценку его романам, называл их подлинной литературой.

Заручившись свидетельством о своей «подлинности», Сименон возвращался к комиссару Мегрэ, который колесил по улочкам так хорошо знакомых Сименону окрестностей площади Пигаль, поднимался на Монмартр, вызывавший у него тысячу воспоминаний о молодости. Это здесь в пору бедности он помогал Тижи продавать ее картины... На деньги, полученные за картину, они смогли впервые поехать на Лазурный Берег. Это были счастливые времена...

Война оборвала парижскую жизнь Сименона. Дальше все было иначе – и в Вандее, и в Америке, и в Канаде, и в Швейцарии... И не было больше Тижи. Она застала его в неловкой позе со служанкой и ушла насовсем. Париж, после войны с подозрительностью допрашивавший писателя о годах его военного процветания (вопреки его собственным рассказам Сименон не участвовал ни в каком Сопротивлении, много печатался в пору оккупации и жил по-царски), а позднее снова поднявший его на щит, больше не был его городом. Сименон навсегда покинул Париж. Город продолжал, однако, жить в романах о комиссаре Мегрэ, чей силуэт еще добрую четверть века возникал в самых укромных уголках Парижа.

«...Такси остановилось на набережной Орфевр. Было половина шестого утра. Над Сеной поднимался желтоватый туман...»

Иногда, проходя весною по этой набережной, я вдыхаю насквозь пробензиновый воздух и думаю о том, что надо было иметь обоняние Мегрэ и Сименона, чтобы различать еще какие-нибудь запахи парижской весны, кроме запаха бензина. Впрочем, может, не эта, а сименоновская Кэ-дез-Орфевр и есть настоящая. Ведь столько людей во всем мире знакомы с ней по Сименону...

Дворец Карнавале и его жиличка

Среди многочисленных уцелевших, на наше счастье, старинных особняков прибрежного Марэ, среди всех этих великолепных «отелей партикулье» моему сердцу особенно мил отель Карнавале. Русское слово «особняк» хотя и передает при переводе термина «отель партикулье» качество особости, партикулярности, приватности дома, однако не дает представления о его размерах. Здешние «отель партикулье» – это настоящие дворцы, только бывшие не королевскими и не казенными, а частными. В Марэ в эпоху его расцвета жили в таких домах аристократы и кардиналы, богатые буржуа и выскочки-финансисты, а дома для них строили и украшали Ле Во, Мансар, Ле Брен, Миньяр и Куазевокс... В домах этих звучали музыка больших композиторов того времени и стихи славных поэтов, возникали научные общества, рождались идеи, зарождались театры. Отель Карнавале был одним из таких дворцов. Собственно, вся его история, начиная с середины XVII века, была словно бы подготовкой к последним полутора десятилетиям XVII века, когда здесь поселилась известная в свете, однако далеко не столь знаменитая, как нынче, вдова-аристократка маркиза де Севинье.

Но начнем с начала, от дворца, даже от его фундамента. Дворец этот построил в середине XVI века для президента парижского парламента архитектор Никола Дюпюи. А в 1678 году дворец купила вдова бретонского аристократа по фамилии Керневенуа. Веселые парижане, чтобы не ломать язык, перекрестили и вдову, и дом в Карнавале. Как знать, может, эта дама была и впрямь веселой вдовой? В 1660 году дворец несколько перестроил прославленный архитектор Франсуа Мансар. Мансар надстроил этаж над левым крылом XVI века, украшенным барельефами на тему времен года. Создание барельефов приписывают самому Жану Гужону. Мансар пристроил и правое крыло, тоже, кстати, украшенное барельефами. К слову сказать, всю эту красоту видно только из парадного дворика, и это в высшей степени типично для особняков квартала Марэ. На улицу здесь обычно выходят только порталы, ворота, в данном случае – тоже замечательные. У дворца Карнавале портал XVI века, конечно же с барельефами. В парадном дворике отеля стоит нынче статуя короля Людовика XIV работы самого Куазевокса. Статуя датируется концом XVII века, но раньше она стояла в старой парижской мэрии, а сюда ее перенесли после того, как мэрия сгорела (в 1871-м). Ну а в XVII веке (во времена Куазевокса) дворец этот снимала дама, которую звали в девичестве Мари де Рабютэн-Шанталь, а в браке – маркиза де Севинье. Улица же называлась тогда рю де ла Кюльтюр-Сент-Катрин, и никому бы в голову не пришло тогда, что ее переименуют когда-нибудь в рю де Севинье. Не то чтобы мадам Севинье вовсе уж не знали и не любили в Париже, в среде утонченных, образованных дам света, тех, кто, борясь с грубостью века, называл себя «пресъёз» – «драгоценнейшими» (это уж потом, по вине тех, кто так неловко подражал этим изысканным дамам, словом этим стали обозначать всех манерных жеманниц – как в пьесе Мольера).

Маркиза де Севинье, красивая, изысканная блондинка, была дамой весьма образованной, милой и сердечной. Судьба ей выпала нелегкая. Шести лет от роду она осиротела, а в восемнадцать вышла замуж за маркиза Анри де Севинье. Замужем ей не понравилось, и она не слишком горевала, когда супруг умер, оставив ее молодой вдовой. Не следует думать, что она пустилась после его смерти во все тяжкие. Нет. Хотя поклонников у нее было много. Но главным в ее жизни были любовь к дочери и сыну и нежная привязанность к друзьям. У нее был веселый нрав, она не унывала, столкнувшись с бедой и нуждой, она была остроумна, шутки ее имели успех в обществе, их передавали и при дворе. Когда дочь ее вышла замуж, маркиза стала писать ей письма – занятие, обычное для людей того времени. Письма развлекали, позволяли излить душу, поделиться заботами и материнскими тревогами, сокра-

тить расстояние между Парижем и родовым замком в глуши, где томилась дочь... Маркиза писала не только дочери, но и сыну, и кузену Бюсси-Рабютену, и кардиналу де Рецу, и мадам де Помпон, и самому Ларошфуко, и подруге своей мадам Лафайет. Письма ее нравились друзьям, их даже цитировали в свете, но не более того. Когда же письма эти были изданы лет тридцать спустя после смерти маркизы, Париж ахнул. Это была блестящая литература, ее письма, – какой сочный язык, какая точность выражений, какая наблюдательность, какая эмоциональность, а сколько в них юмора!.. Отныне парижскую жизнь XVI века изучают по письмам маркизы де Севинье: это же настоящая энциклопедия светской жизни, нравов того времени. Гуляя по дворцу Карнавале, глядя через окна на парадный или задний внутренние дворики, непременно вспомнишь маркизу: она смотрела через эти окна во двор, здесь звучал ее смех, здесь она принимала друзей – в этом дворце, в котором прожила последние полтора десятка лет и который любовно называла Карнавалетом.

Вы спросите, можно ли нынче всякому гулять по дворцу? Можно и, думаю, полезно. Это музей, и, как считают парижане, «самый парижский» из музеев. Город купил дворец еще в 1860 году, архитектор Пармантье его слегка подреставрировал, и уже в 1880 году музей открыл двери для посетителей – музей Парижа в самом сердце Маре. Недавно музей снова на несколько лет закрывали на реставрацию. За эти годы Карнавале обставили великолепной мебелью из других дворцов, восстановили интерьер, украсили стены росписями в стиле XVIII века... Прорубая некогда широкие бульвары в теле старинного Парижа, барон Осман снес несколько дворцов вроде отелей Флерюс, Бретей. Однако он позаботился о том, чтобы сохранить мебель, резную отделку, лепнину из этих дворцов, и он уже тогда думал при этом о Карнавале.

Шестьдесят недавно отреставрированных комнат, залов и салонов Карнавале перенесут нас в XVIII век. Тем, кого поражают эти яркие, густые краски, цвет стен – желтых, лиловых, синих, розовых, реставратор мадам Анн Форэ Карлье объясняет, что вопреки распространенному мнению натуральные цвета были вовсе не в моде в том веке и в ходу была фраза: «Весь Париж цвета синего, розового, лилового»...

Послушаешь мадам Карлье, постоишь у окна над пустынным двориком и невольно вспомнишь строки земляка-поэта: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Время-то остановилось, замерло...

Описанию залов музея, перечню экспонатов, картин, афиш, предметов обихода из старинной парижской жизни, размещенных в его зданиях, посвящены статьи, каталоги, книги – не мне с ними тягаться. Расскажу кратенько лишь об одной исторической выставке в стенах Музея Карнавале, которую мне довелось посетить. Это была выставка «Русские во Франции в XIX веке». Век, как известно, начался кровопролитными наполеоновскими войнами. А потом, разбив «узурпатора» Буонапарте, русские и их союзники, то есть заклятые враги французов, вошли в Париж. Декларации русского императора – я дотошно их изучал на стенах Карнавале – обещали измученной Франции разумное правительство, которое гарантирует ей мир. Совместная декларация союзников заявляла, что кровопролитий больше не будет. Отставной драгунский капитан, француз месье Вильер, посвятил тогда нехитрые стихи императору Александру I:

Утешься же, народ французский,
Не Марс пришел, разящий громом,
Нет, то герой, бог венценосный,
Он нам Людовика вернет.

И вот гравюры того времени – на стенах, бесчисленные французские гравюры... На них – казачий бивак на Елисейских Полях, казаки в кабаках, которым они оставят на память

лихое словечко «бистро» – француз у иначе как «бистро» его не выговорить. И вот уже слезы прощания, прощаются парижские дамы с офицерами, так и звучит опять в ушах прекрасное окупавское: «А молодой гусар, в Амалию влюбленный, он перед ней стоит, коленопреклоненный...» А потом пришли парижская русомания и мода на шаровары и аттракцион «русские горки» в Париже, позднее – богатые русские в Париже: их любимые сады и рестораны, круг великих французских друзей великого Тургенева... А дальше на стенах – картины из Москвы и из здешнего музея д'Орсэ: репинская «Дорога на Монмартр», Перов, Мария Башкирцева, Леон Пастернак. Тихое церковное пение слышно в комнатке, где на стенах фотографии русского кафедрального собора на рю Дарю... И вдруг неотвязная мысль: не все одно только плохое принесло наше время – ведь после долгого, в семьдесят лет, перерыва русские-то нынче снова в Париже! Вот и сейчас в старом добром отеле Карнавале то и дело слышна русская речь.

Жаль, милой хозяйки дома нет с нами... Недавно близ замка Гриньян, что на Дроме, проходил «Праздник письма». Актеры читали на нем знаменитые письма, букинисты продавали книги – на столиках лежали перья, чернила, конверты, воск и печати: садись, пиши письмо. Праздник был приурочен к трехсотлетию со дня смерти маркизы де Севинье, похороненной тут же, в Гриньяне, близ замка дочери, и смысл его ясен: жаль будет, если люди разучатся писать письма. Сам министр культуры Франции посетил этот деревенский праздник и даже выступил там с небольшой речью. Он говорил об этой чаровнице стиля маркизе де Севинье. Если б маркиза услышала, наверное, ей бы эта речь понравилась. Но, как знать, может, она и слышала?..

Прогулка по следам Бальзака

Среди сыновей квартала Марэ самым славным был, наверное, великий романист Бальзак. Когда я гуляю в Марэ, он вспоминается мне часто. Да ведь и в целом Париже многое напоминает о его героях, о нем самом. Если помните, в подзаголовке его «Человеческой комедии» так и сказано: «Сцены из парижской жизни в 23 томах». Чего там только не найдешь о Париже!..

Иногда в мои воспоминания о бальзаковском Париже врывается грустная мелодия моей юности – звук армянской дудки – дудука... В юные годы, когда я отбывал срок солдатской службы в маленьком армянском городке Эчмиадзине, лучшим моим другом в полку был молодой донецкий шахтер Саня Свечинский. Он исполнял обязанности писаря стройчасти, свободного времени у него оставалось много, и вечерами он часто приходил ко мне посоветоваться, что бы ему еще такое почитать. Однажды я отослал его к Бальзаку, и Саня исчез надолго. Две недели спустя он явился ко мне в обед и сказал, что теперь он будет читать только Бальзака и не остановится, пока не прочтет все тома его Полного собрания, которые завезла по случаю из Еревана полковая библиотека. Теперь, когда Саня забегал ко мне на досуге в казарму, мы толковали с ним о Бальзаке: откуда он знал так много о людях, этот Оноре де Бальзак? Откуда он так хорошо знал женщин? И еще мы говорили, конечно, о Париже, о котором в ту пору часто пел по московскому радио Ив Монтан, первая зарубежная ласточка послесталинской «оттепели». Этот живчик Монтан весело и беспечно гулял по Большим бульварам, тем самым, где некогда обедал с друзьями Бальзак. Впрочем, мы с Саней уже знали, что настоящим парижанам не всегда бывает так весело. Мы узнали об этом от Бальзака... Думали ли мы когда-нибудь с Саней, что пройдет еще четверть века, и я тоже стану обживать Париж? Вряд ли это могло прийти нам в голову... А вот теперь, сорок лет спустя, проходя по туманному, серому Парижу, я вспоминаю иногда звездное небо Армении, вспоминаю двугорбый Арарат-Масис, наши с Саней бальзаковские беседы и, конечно, гениального труженика Бальзака, его беды и его радости, его героев и его Париж. И печально-нежно звучит дудук...

Поначалу Парижем для Бальзака был лишь правобережный, заречный квартал Марэ, замечательный уголок французской столицы. Конечно, в начале XIX века в Марэ уже не было ордена храмовников-тамплиеров, а память о них сохранялась (как и ныне) только в названиях улиц. Дедушка и бабушка Оноре Бальзака (или, как предпочитал с определенного времени писать отец будущего писателя, интендант Бернар-Франсуа Бальзак, – де Бальзака) издавна жили в Марэ. Их внук Оноре поселился в Париже четырнадцати лет от роду – тоже, конечно, в Марэ. Его отдали в пансион господ Базелена и Гансера, что размещался в доме № 9 по улице Ториньи, в самом сердце Марэ. На улице Ториньи и сегодня еще немало дворцов XVII века. Самый роскошный и знаменитый из них – это, конечно, отель Сале середины XVII века, рядом с которым и жил в пансионе подросток Бальзак. Ныне дворец Сале отреставрирован, в нем размещаются коллекции Музея Пикассо, ну а в те времена, в 1813 году, в моде, как вы помните, был не король всех художников Пикассо, а император всех французов Наполеон I. Дни его величия были уже, впрочем, сочтены. В январе 1814-го он устроил пышный парад в Тюильри, чтобы доказать всему миру, что силы его не иссякли, и восторженный подросток Бальзак присутствовал при этом прощании Наполеона с подданными: он видел обожаемого императора, он мечтал стать таким же великим и прославленным, как его кумир Бонапарт (позднее он описал треволнения этого дня в романе «Тридцатилетняя женщина»). Через год после этого события уже вся семья Бальзак переехала из Тура в Париж и поселилась там же, в Марэ, в доме № 40 на рю дю Тампль, то есть на старинной Храмовой

улице, название которой уводит нас к Крестовым походам, к бывшему таким могучим в XII–XIV веках ордену тамплиеров-храмовников.

Пятнадцатилетний Оноре живет в эту пору на старинной рю де Турен, в пансионе монархиста месье Лепитра, который в годы революции и террора пытался спасти из тюрьмы Тампль королеву Марию-Антуанетту и лишь чудом уберег свою голову от гильотины. Как вы заметили, все это происходило здесь же, в Маре, где каждый метр мостовой помнит великие события французской истории. И позднее, в романах Бальзака, его героев неотступно преследует эта неизбежная в Париже «связь времен». Скажем, в той части книги «Мадам де Шантери», где речь идет о старинном квартале на острове Сите близ башни Дагобера, Бальзак взволнованно пишет: «Представляется Париж от римлян до франков, от норманнов до бургундцев, Средние века, династия Валуа, Генрих IV и Людовик XIV, Наполеон и Луи-Филипп... Каждое господство оставило руины или памятники, которые наводят на воспоминания...» На воспоминания наводили героев Бальзака и узкие улочки близ бывшей Гревской площади, и другие, хорошо знакомые ему, юному парижанину, уголки правобережного Парижа.

Потом пришла весна 1815 года, Наполеон бежал с Эльбы; легко представить себе восторг лицеистов, и особенно восторг Бальзака, который уже мечтает в ту пору стать писателем. А летом того же года – последнее поражение Наполеона, Ватерлоо... Юный бонапартист Бальзак возвращается в старый свой пансион на рю де Ториньи и худо-бедно сдает экзамены в знаменитом лицее Карла Великого. Потом он поселяется в отчем доме тут же, в Маре, и его отдают в учение – сперва к одному стряпчему, на улице Кокийер, что близ Биржи и «Чрева Парижа», потом к другому стряпчему, опять-таки в Маре, на рю дю Тампль, близ родительского дома. Убожество этих юридических контор скрашивают дружба молодых конторщиков, каламбуры, чтение и та фантастическая реальность, которая раскрывается любопытному юному стажеру в судебных делах, кляузах, бумагах, заполнявших пыльную контору до потолка. Молодой Бальзак жадно впитывает все эти жизненные истории, он наблюдает характеры, вникает в семейную жизнь собственных сестер; скоро все это пойдет в дело, все переплавится в литературу. Попутно Оноре посещает юридический факультет и в 1819 году сдает экзамены на бакалавра права. Он много времени проводит в библиотеках Сорбонны, Коллеж де Франс и Музея естествознания. Его в ту пору интересуют все – философия, физиология, механика устройства общества, нравы и обычаи, история. Для того, кто жаждет знаний, Париж – благословенный источник.

А потом родители переезжают в провинцию, в городок Вильпаризис, что неподалеку от Парижа, и Оноре окончательно выбирает свой путь. Он не будет юристом, он будет писать, он станет писателем. Родители согласились дать ему возможность испытать себя. Мать снимает для него за 60 франков в год жутковатую парижскую мансарду на четвертом этаже дома № 9 по улице Ледигьер, неподалеку от площади Бастилии и Арсенала. Родители выплачивают ему очень скудное вспомоществование – такое, чтобы только-только не умереть с голоду. Разумная политика эта, впрочем, не приучила молодого Бальзака ни к скромности, ни к бережливости. Оказавшись за убогим столом мансарды, Оноре для начала принимается за драму, ибо драма была самым престижным и высокооплачиваемым жанром, и пишет историческую драму «Кромвель».

Позднее он не раз описывал свою спартанскую мансарду и тогдашнюю свою жизнь. В бальзаковском «Фачино Кане» герой тоже пишет по ночам в мансарде, а дни проводит в библиотеке Арсенала. Герой «Шагреневои кожи» вспоминает:

«Что могло быть ужаснее этой мансарды с желтыми и грязными стенами, которые пахли нищетой... Клетка, достойная венецианской камеры...»

Молодой Бальзак гордится своей самостоятельностью и в то же время страшится убожества жизни. Вместо того чтобы отдать долги прачке, он покупает зеркало в позолочен-

ной раме. Узнав об этом, мать бранит его, и биографы считают, что мать была неправа. Так или иначе, эти вечные зеркала как символ вожделенной роскоши и дурного вкуса и вечные эти долги стали приметой всей его жизни – жизни транжира, денди и труженика. Потерпев неудачу с пьесой, Бальзак начал писать романы. Один его знакомый, журналист Лепуатевен, преуспел в изготовлении для публики популярных романов, которые он писал с кем-нибудь в паре или которые просто покупал у скрытых под псевдонимами неизвестных литературных наемников. Бальзак становится одним из этих наемников, научившись печь романы не хуже коллег, – у него появляется «литературный заработок». Он становится профессионалом, впрочем, еще не Бальзаком: пишет то под одним, то под другим псевдонимом, и все это пока еще не слишком свое и не слишком настоящее. Настоящее будет позднее, однако и самостоятельная жизнь, и литературный труд начались все же на рю Ледигьер, на краю квартала Маре, в стране его юности...

На правом берегу Сены Бальзаку доводилось жить позднее и в странной берлоге на склоне холма Шайо, и в квартире у Сары Гвидобони и ее мужа на Елисейских Полях, и повсюду теперь за ним охотились кредиторы, и повсюду он ухитрялся делать новые долги. Мне бы хотелось, впрочем, рассказать о двух последних правобережных пристанищах Бальзака. Но сначала о знаменитом роденовском Бальзаке...

Есть в Париже уголок, который мне всегда казался не только русским перекрестком Монпарнаса, но и перекрестком бальзаковским, хотя, в сущности, он лежит далеко от любимых бальзаковских ресторанов, от его литературных и светских салонов. Я имею в виду то место, где близ бывшего русского ресторана «Доминик», близ знаменитых кафе «Ротонда», «Куполь», «Селект» и «Дом» пересекаются бульвар Распай и бульвар Монпарнас. Там со сравнительно недавнего времени (с 1939 года) стоит роденовская статуя Бальзака. Собственно, статуя эта была заказана Родену давным-давно Литературным обществом, но даже и для этого вполне интеллигентного общества она оказалась тогда слишком смелой. Так что гениальный роденовский Бальзак был Литературным обществом отвергнут, и литераторы заказали нового Бальзака, попрстойнее, статую в стиле «великий писатель». К началу Второй мировой войны Париж дозрел до понимания роденовского Бальзака, и статуя была отлита по модели, пролежавшей много десятилетий в медонском ателье покойного скульптора. Роденовский «великий писатель» – это взъерошенный, ночной Бальзак в халате: ему не спится, что-то пришло ему в голову, что-то, что он немедленно должен записать, – он явно на пути от постели к письменному столу, и вид у него, конечно, не слишком светский и не слишком благоразумный. Когда я стою перед этим памятником, мне из всех бальзаковских домов Парижа прежде всего приходит в голову дом на рю Ренуар (там ныне его музей).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.